

УДК 821.161.1

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕКСТА «ПРИХОТЬ»

ИЗ КНИГИ А.П. СТЕПАНОВА

«ПОВЕСТИ И ПУТЕШЕСТВИЕ В МАЙМАЙ-ЧЕН»

Бурмакина Н.А., Чеканова С.Ю.

В статье исследуются лингвистические особенности повести литератора XIX века и первого гражданского губернатора Енисейской губернии Александра Петровича Степанова. Проведён анализ фонетического, лексико-семантического, морфологического и синтаксического строя повести.

Ключевые слова: лингвистический анализ текста, семантика, стилистика художественного текста, выразительные средства, идиостиль.

LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF THE TEXT “PRIKHOT”

FROM THE BOOK BY A.P. STEPANOV

“NOVELS AND JOURNEYS IN MAIMAI-CHEN”

Burmakina N.A., Chekhanova S.Y.

The article researches linguistic peculiarities of novel by literary man of the 19th century and the first citizen governor of Yenisei province Alexander Petrovich Stepanov. Phonetic, lexical-semantic, morphological and syntactic structure of the story is analysed.

Keywords: linguistic analysis of the text, semantics, stylistics of a literary text, expressive means of language, idiostyle.

Произведение литератора XIX века и первого гражданского губернатора Енисейской губернии А.П. Степанова «Повести и путешествие в Маймай-чен» становилось источником исследования; в статье были рассмотрены экстралингвистические факторы формирования текста повести [2, с. 154-157]. Лингвистические компоненты стиля являются предметом настоящего анализа. Языковая реализация художественно-образной речевой конкретизации происходит на разных языковых уровнях. Последовательно рассмотрим

фонетический, лексико-семантический уровни реализации языковых единиц, морфологический и синтаксический строй повести.

На **фонетическом уровне** наблюдаем наличие дореформенных произносительных норм текста XIX века. В «Очерках по истории русского литературного языка XVII – XIX веков» В.В. Виноградова отмечаем: «... в системе русского литературного языка конца XVIII – первой трети XIX в. определяются законы и правила литературного произношения, в существенных своих чертах не подвергавшиеся коренной ломке до эпохи революции» [1, с. 207, п. 9.]. В данном тексте это прилагательные, причастия и местоимения в родительном падеже единственного числа с окончаниями **-аго (-ага), (-яго)**: *покойнаго, дрежняго, развесистаго, низкаго, путнаго, высокоаго, изящнаго, роскошнаго, прежняго, больнаго, лестнаго, неизвестнаго, русскаго, быстраго, продолжительнаго; вошедшаго, любящаго, понимающага; другаго, всякаго, некотораго, которага*; местоимения и прилагательные в именительном и родительном падежах единственного и множественного числа с окончаниями **-ья (-ия), (-ея)**: *которыя, такія, подле нея; белыя, мистическыя, прекрасныя, новыя, разныя, миленькыя, известныя, ужасныя, подобныя, родимыя, красивыя, горячия, прежнныя; разбросанныя, начертанныя, сплетенныя, обитыя, покойныя*; местоимения 3-го лица выступают в форме притяжательных (самых частотных в употреблении в данном тексте): *ея*. Всего таких прилагательных, причастий и местоимений насчитывается 71 единица.

Данное произношение относится еще к церковно-книжному. На то, что это отмирающие, но еще крепко сидящие в сознании носителей языка формы, указывают примеры из текста, где наряду с данными употребляются и новые формы местоимений, прилагательных, причастий. Например: «*А притом Миронья Ивановна, ея молодая подруга, товарищ ее красивой жизни, выпускает иногда словцо, другое, по которым, как будто можно заключить, что Любовь Александровна вздыхает еще по покойном муже*» [3, с. 17]; «*Древние были очень аккуратны...*» [3, с. 19]; «*...я, как птичка, прикованная к*

ветке колдовством...»; [3, с. 28]; «...там души узнают друг друга издалека, и здороваются, как **старые** знакомые <...>» [3, с. 34].

Кроме того, в тексте употребляются существительные и прилагательные в творительном падеже женского рода единственного числа с окончаниями **-ою**, **(-ею)**, **(-ию)**: *беспрерывною, крошечною, студенною, затейливою, капризною, своенравною, чинною, прикидливою, лукавою; водою, кошмою, суматохою, надъ душею, душою, кровию, съ любовию, съ жадностию* и др. Они немногочисленны, и это объясняется тем, что в литературной речи к началу XIX века «в тв. пад. ед. ч. имен существительных жен. р. окончания *-ою*, *-ой* признаются равноправными, но в формах твор. пад. имен прилагательных жен. р. окончание *-ой*, *-ей* рассматривается как «сокращение, употребляемое в просторечии» [1, с. 202, п. 8.].

Пожалуй, главное фонетическое явление литературной речи XIX века в данном тексте – это стабильное написание в словах церковно-славянской фонемы **ѣ** (ять) на месте *е*: на *дачѣ, на столѣ, подлѣ, отдѣление, разумѣется, вѣдь, человѣка, гдѣ, цвѣтъ* и др. В.В. Виноградов в «Очерках по истории русского литературного языка XVII-XIX веков», в главе «Фонетические различия между стилями» пишет, что, по словам А.П. Сумарокова, под напором разговорно-бытового языка церковнославянская традиция различного произношения **ѣ** и *е* умирает и что **ѣ** и *е* в высоком славянском слоге нередко сливались в один звук» [1, с. 115. п. 4.].

Употребление знака **ѣ** (ер) на конце слов после твердых согласных (*столомѣ, съ, отѣ, за длиннымѣ* и др.) также является признаком старой грамматики, но в данное время на произношение аналогично с **ѣ** не влияет, поэтому далее в статье при цитировании текста мы эти знаки в написании слов не используем.

Обращает на себя внимание и такая форма существительного, как *зубков*. Встречается она единожды, и эта форма сущ. род. п. мн. ч. на **-ов (-ев)** от им. п. на **-ья** явный отголосок «языка Г.Р. Державина», усилившего в языке влияние

просторечий. К просторечному произношению следует отнести и форму сущ. род. п. с окончанием –у: *в честь Августу*.

На лексико-семантическом уровне изобразительно-номинативный лексический фонд повести содержит слова реального значения – **лексику широкого употребления**, где можно выделить **конкретные слова**: *альбом, руки, дача, море, река, лицо, человек, шляпа, глина* и др.; **слова с пространственным значением**: *весь свет, посреди стана, повсюду, в окрестностях, там* и др.; **слова с временным значением**: *нынче, через шесть лет, спустя два месяца, часу во втором, дни, недели, через три дня, в полночь, более десяти минут, среди лета, давным-давно, утром, двенадцать било*; **тематические группы слов: устаревшие** с точки зрения современного языка слова: *жрец, катехумен, орифлам, хоругвь, кемрик, жирандоль, молебен, крылоса, шлафрок, епитрахилья*; **просторечия**: *чорт, путнаго, спохватились, потасовку, фурия, волоса, рожжа, урод, беспутные, жги, гагачьим, третьего дня*; **слова иностранного происхождения**: *эмблема, девиз, жокей, будуар, космополит, камергер, ток, агаф, камердинер, негоциант*; **термины**: *амариллис, ранонкулы, анимоны, нарциссы, анхиллис, ксерантема*; **слова древнегреческой мифологии**: *Август, холм Авраама, амфитеатр Джеразы, арабские бедуины, остров Кипр, Троя, Парис, Адонис, аргонавтов* и др.; **географические названия**: *в Канаде, Соединенных Штатах, Бразилии, Мексике, Калифорнии; в Камчатке, Кантоне, Индустане, берега Африки, острова Средиземного моря, устья рек Оби, Енисея, Лены, Медной; Кардильеры, Анды, Лунные горы; Тавр, Иду, Олимп Мизийский, Ливан, остров Таверияды, река Иордан, Иудея, Иерусалим, Серта, столица Креза, долина Назибии, пустыни Сирии* и др.; **слова узкоспециальной сферы употребления, такой, как военная**: *неприятель, битвы, боины, сеча, стан, штабс-капитан, честь, соотечественники, три легиона, укрепление, рвом, часть войска, воинов, копий, дротиков, варвары, рану, пленных* и др.

В отдельную группу можно объединить слова, в портретных описаниях характеризующие **внешность героев**: *чрезвычайно привлекательной*

(наружности), идеал совершенства, лице, вся голова и стан покойного выкрадены из Академии художеств, прекрасна; роскошная телом и душою; густые длинные волосы; походка смелая; голос ровный, чистый; урод, рожка, нос, точно граненый остроконечник; в рябом лице и др.; **возраст:** двадцать шестой год, молода, молодой, в двадцать пять лет; **качества характера героев:** чинною, причудливою, лукавою, скромницею, тщеславное созданыще, затейливою, капризною,; скромна, осторожна, ласкова, радушна, чистосердечна, чиста, благородна, здорова, хороша, умна и др.; **речь:** отвечал, сказали, говорит, назывался, выпускает (слово), вскричала и др.; **состояние:** вздрогнула, засмеялась, задумалась, содрогаюсь и др.; **движение:** переворотила, взял, отскочили, объехали, бросилась целовать, всплеснула (руками) и др.

Следует отметить, что с точки зрения современного литературного языка в данном тексте встречаются **семантически несочетаемые лексические единицы**. Например: в обширной комнате (пространственная несочетаемость); воздал достойную честь; укрепил свое имя жене; придала ей эпитет прихотливой; любит всеми знаками дружбы; нахожусь принужденным; кровавой ужасной битвы; отделение назначено (о разделах альбома); выманивал на разговор; обдает запахом лилий и др. В таких сочетаниях видно наложение одних и тех же смыслов, которые создают излишнюю экспрессию.

Эмоционально-экспрессивная лексика – неотъемлемая часть художественного стиля. Одним из способов выражения оценки происходящему является метафоричность языка. **Метафоры** в данном тексте отличаются частотным употреблением и служат для выражения повышенного эмоционально-экспрессивного восприятия описываемых событий. Например: «...товарищ ее красивой жизни...» [3, с. 17]; «ея ножки, ея шейка, ея бюст не имели никакого покрова... были теперь облиты тонким, розовым пламенем зари...» [3, с. 21, 22]; «Зачем позволяете вы грызть ваше бедное сердце?» [3, с. 22]; «... горячий румянец...» [3, с. 34]; «... кровь буйно волновалась в жилах...»

[3, с. 40]; «... сделалось жертвою духа...» [3, с. 40]; «добыча страсти...» [3, с. 45].

Не менее важным средством для выражения эмоциональной оценки в тексте служат **сравнительные обороты**: «... и я, как птичка, прикованная к ветке колдовством...» [3, с. 28]; «... там души узнают друг друга издалека, и здороваются, как старые знакомые <...>» [3, с. 34]; «Чарова задрожала, как струна в арфе, сильно дернутая пальцами...» [3, с. 37] и др. Всего 20 единиц.

К лексике потенциального конкретно-чувственного значения можно отнести **эпитеты**, значение которых, как правило, реализуется в контексте: «Одна, прямая как аришин, бледно-фиолетовая, с соловыми глазами, с раздутым носом, сжатыми губами, словом Прюда Праксеевна, называла Чарову чинною, прикидливою, лукавою скромницею» [3, с. 15].

Морфологический фон повести специфичен активностью качественных прилагательных. На 11 страниц текста приходится 48 качественных и всего 11 относительных прилагательных. Всего прилагательных в тексте 336 единиц: *малой, обширной, высокими, длинным, привлекательной и др.*; относительных: *семнадцатилетний, супружеском, мистическая, Средиземного, Лунная* и др.

Специфична и активность глагольных форм. Глаголы настоящего времени несовершенного вида передают продлённость конкретных действий, которые как бы совершаются на глазах окружающих в момент речи: «Право, кажется, обдаёт меня запахом лилии» [3, с. 4]; «Он рассеивает меня, когда мне делается грустно. Он читает мне книги, достаёт прекрасные картинки, приносит новые музыкальные сочинения» [3, с. 26, 27].

Одним из специальных способов достижения образной конкретизации служит **глагольное речеведение**. Частотное употребление глаголов, их нагнетание способствует активизации читательского воображения: «Небесная, или книжная, билась, билась под орифламом с именем покойника, билась насмерть: но благородно, по всем уставам рыцарства; земная не имела ни эмблемы, ни девиза, ни хоругви с именем; и, как фурия, бросалась на грудь своей противницы, впивалась ей в бока, щипала ее, щекотала, колола булавами» [3,

с. 20, 21]. В данном примере глаголы выражают стремительность и усиление действия.

Формы глаголов прошедшего времени несовершенного вида используются преимущественно как описательные: «*Чарова помертвела и трепетала всеми членами*» [3, с. 37], а глаголы совершенного вида прошедшего времени выступают как повествовательные динамические: «*Священник просил ее приблизиться. И вместо венчания начал служить молебен*» [3, с. 50]; «*Молодая ахнула и упала без чувств. Ее положили в карету и увезли домой*» [3, с. 51].

Форма будущего простого времени несет особый оттенок конкретного значения действия и его повторности в прошлом. Они вносят всплеск динамичности в изображаемое: «*Он избавится от вас крестом тяжелым, страшным, который придавит вас к могиле. Он толкнет вас с груди своей, как тяжелую ношу, или променяет... Ах! ах!...*» [3, с. 46]. Использование в данном тексте разнообразных глагольных форм, в том числе видо-временных форм в разных сочетаниях делает изображение объёмным, живописным и динамичным.

Употребление личных местоимений в тексте соответствует их стилистической востребованности. Они указывают на конкретные предметы. Всего их 883 единицы: «*Возьмите его с этим поцелуем, сказала она, поцеловала его и уехала*» [3, с. 47].

Существительных – 1379 единиц. Чаще всего это конкретные существительные мужского и женского рода в единственном числе – это считаемые предметы: *ношу, солдат, дворянина* и др.; во множественном, указывающие на совокупность, множество отдельно исчисляемых предметов: *слова, книги, костюмов, женищины, головы, черепы, кости* и др. Кроме того, в данном тексте есть отвлеченные существительные: *правильность, смелость, удовольствие, несчастье, совершенство, понятие* и др.

Следует отметить своеобразие некоторых грамматических форм имен существительных, свойственных письму конца XVIII – начала XIX века. Это

существительные с окончанием на –у в родительном падеже, о которых уже упоминалось выше: *Августу* – ко времени создания данного текста эта форма считалась уже устаревшей и существительные на **-ию, -ия, -ею** в творительном и родительном падежах, написание которых было равноправным: *с любовью, кровию, над душею, с жадностию*.

Семантика кратких прилагательных в данном тексте обозначает временные состояния и признаки, рисуя героя (предмет, явление) в определенный отрезок времени. Это согласуется с особым динамизмом художественной речи: «*Она ласкова, радушна, чистосердечна, потому что чиста и благородна в мыслях и делах*» [3, с. 16]; «*Он болен, он в сильнейшей горячке*» [3, с. 39].

Синтаксический уровень текста отмечен таким специфичным признаком предложений, **как однородность построения**. Это объясняется конкретностью объекта изображения, который необходимо описывать в единстве различных сторон, деталей, частных признаков, дополняя, уточняя, конкретизируя. Например: «*А голос? Голос – ровный, чистый тенор! А дар изъясняться коротко и сильно, долго и вместе увлекательно?*» [3, с. 23]; «*Мира отвела глаза с работы на Чарову, и застала улыбку на ея устах, и указательный пальчик правой руки, приставленный к верхнему ряду перловых зубков*» [3, с. 24]; «*Он разматывает со мною шелк, вдевает шерсть в иглу, подбирает бисер, натирает краски*» [3, с. 27]. Возрастанию экспрессивности при однородных членах способствует повторяющийся союз **и** в усилительной роли.

Обособление приложений, определений, отделенных от обособляемого слова, является признаком экспрессии: «**Вы**, милостивый государь, счастливец, баловень природы» [3, с. 37]; «*В церкви, возле крылоса, стояли священник без епитрахля, и молодой человек лет тридцати, очень гадкий лицом. Они разговаривали тихо, с важностью, приличною месту. Вдруг двери слабо скрипнули, и вошла молодая женщина, очень красивая лицом – женщина робкая, разстроенная*» [3, с. 50].

Предложениям с **инверсивным построением** также присуща доля экспрессии. На первое место в таких предложениях выдвигается акцентированное подлежащее. Это средство эмоциональности повествования: «*Добыча страсти, вы будете ли в силах, отдав ему всё существо своё, удержать то достояние, которым обогатил вас покойный муж, ваш благодетель!*» [3, с. 45]; «*Горячий румянец разливался по лицу Чаровой*» [3, с. 34].

В частях текста, где представлена живая разговорная речь, использованы характерные для диалогов **неполные предложения**:

- *А третьяго дня где вы были вечер?*
- *В театре.*
- *Что там?*
- *Ненаглядный Роберт – Дьявол...* [3, с. 31].

Признаком экспрессивности, динамичности речи служит и наличие **простых**, не слишком распространенных **предложений**: «*Ах, пожалуйста!... Знаешь ли, что я тебе скажу? Я полюбила этого Француза Рюселье...*» [3, с. 25]; «*Что вы это, Любовь Александровна? Да и с какой это стати? Ну, как сравнить Луганова с этим уродом?*» [3, с. 25].

Сложноподчиненные предложения с разного рода придаточными: обстоятельственными, определительными, изъяснительными более свойственны данному тексту из всех видов сложных предложений: «*Я имел удовольствие, или несчастье, видеть все, что делается на свете*» [3, с. 7]; «*Через три дня, Чарова стояла пред Рюселье, который сидел в креслах*» [3, с. 47].

Среди форм передачи чужой (прямой и косвенной) речи в тексте есть **несобственно прямая речь**: «*Там, говорили они, погибли предводители легионов; здесь потеряли мы орлов своих; там получил Варус первую рану, а здесь лишил себя жизни*» [3, с.14]. «*Одна, прямая, как аршин, бледно-фиолетовая, с соловыми глазами, с раздутым носом, сжатыми губами, словом Прюда Праксеевна, называла Чарову чинною, прикидливою, лукавою скромницею*» [3, с. 15]; **косвенная речь**: «*Чаров рассказал жене своей, что, на*

другой день после битвы, какой-то грек и камердинер Фомка, нашли его между телами убитых; что грек скрыл его в своем доме, ухаживал за ним и вылечил его,...» [3, с. 54]. Примеров **внутренней речи** героя немного. Один из таких: *«Какая французская замашка! Прошептал про себя Луганов, кусая губы* [3, с. 33]. Но фраза *«прошептал про себя»* может истолковываться как *сказал шепотом*, так и – *не произнес вслух*. Тогда в первом случае мы видим пример **прямой речи**.

Еще одна экспрессивно синтаксическая конструкция имеет место в данном тексте – **парцелляция**: *«Может быть, беглый солдат? каторжный? палач? – по крайней мере, Любовь Александровна, не спешите»* [3, с. 45].

На синтаксическом уровне можно увидеть и примеры такого поэтического синтаксиса, как **единоначалие (анафора)**: *«А я! ... я отдал бы всю жизнь за то, если бы мне хоть раз в жизни улыбнулись красивые уста. Я отдал бы все, даже свой разум, если б когда-нибудь слеза моей Цинтии, окрашенная любовью, упала в минуту восторга на мои горячая губ...»* [3, с. 37].

Повествованию в произведении свойственна **риторическая штампованность** – нарочитая книжность выражений. Это можно проследить в следующих примерах: *«Троя, Троя! Где теперь ее слава? Где ее Парис?»* [3, с. 5]; *«Разве есть возможность забыть моего Чарова?»* [3, с. 22]; *«... но кто изъяснит невольное влечение любви и ненависти?»* [3, с. 34]; *«Что такое приличие против потребности благородных чувствований?»* [3, с. 40].

Единство языка поддерживают **средства актуализации текста**. Они подвергаются анализу в составе контекста, выделенного из общего текста и объединенного языковой единицей, которая в контексте реализует и активизирует свое значение. В связи с этим различается **поддерживающий контекст**, обеспечивающий повторяемость языковой единицы. Например: *«Зачем ей капризничать, быть своенравною, затейливою?»* [3, с. 16]... *Но прихотливость? Это может быть и так. Чем человек изобильнее богатством, душою, умом, дарованиями, тем он прихотливее* [3, с. 17]... *Нет, это придирка, притворство, более ничего, – чтобы только прикрыть свое*

прихотливое стремление в страсти [3, с. 44]... *Следственно предметом странной прихоти госпожи Чаровой был – собственный муж ея!*» [3, с. 53]; и **погашающий контекст**, который создает новое (оказиональное) значение единицы, не совпадающее с ее типичным значением в системе языка.

1. Лексический уровень показал, что стилистическая окраска текста повышенная, с признаком общего оттенка книжности, соответствующего времени создания писателем произведения. Высокая стилистическая окраска текста создаёт ощущение торжественности и приподнятости, повышенной эмоциональности, напряженности. Следует отметить, что в данном тексте излишняя, словно нарочитая книжность с современной точки зрения скорее недостаток стилистической оформленности произведения, чем его достоинство. Она вносит оттенок неестественности, некоторой комичности в речь и поступки героев.

2. Морфологический строй повести специфичен активностью глагольных форм, обеспечивающих динамику повествования, активизацию читательского воображения, объемность и живописность изображения. В количественном отношении части речи, употребленные в тексте, выглядят так: глаголов 766 единиц, существительных – 1379, местоимений – 883, прилагательных – 336, наречий – 211.

3. Синтаксический уровень отмечен наличием таких специфических признаков, как а) однородные построения, б) простые предложения, в) сложные с придаточными изъяснительными и определительными, г) предложения с инверсивным построением, что способствует экспрессивности, эмоциональности и динамичности речи.

Список литературы:

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М.: Высш. школа, 1982. 528 с.

2. Бурмакина Н.А. Экстралингвистические особенности повести «Прихоть» из книги А.П. Степанова «Повести и путешествия в Маймай-Чен» // Казанская наука / гл. ред. А.Р. Шагимуллин. 2014. № 3. С. 154-157.

3. Степанов А.П. Прихоть // Повести и путешествие в Маймай-чен. А.П. Степанов, автор романа «Постоялый двор». Ч. I. СПб.: в типографии А. Воейкова и Коми, 1838. С. 1-56.

Сведения об авторах:

Бурмакина Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Чеканова Светлана Юрьевна – студентка филологического факультета Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Data about the authors:

Burmakina Natalya Alekseyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia).

Chekhanova Svetlana Yurievna – student of Philology Faculty, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia).

E-mail: nata-burmakina@yandex.ru.

E-mail: dorogaya.darina2013@yandex.ru.